

Андрей Булатов

Янкылма

Мистика уральских
деревень

КЛАДЕЗЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Б90

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Булатов, Андрей.

Б90 Янкылма. Мистика уральских деревень / Андрей Булатов. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 320 с. : ил. — (Деревенская мистика).

ISBN 978-5-17-183947-5

На страницах этой книги собраны истории, от которых невозможно оторваться: о мистических, затерянных в глухих лесах тайги деревнях. Кто живет в этих богом забытых местах, которых даже нет на карте, — люди или кто-то, кто хочет ими казаться? А может быть, там обитают загадочные менквы или кули, которые заманивают пугников в чашу, из которой им уже никогда не выбраться? И в чем секрет феноменального долголетия местных?

Сюжеты витиевато переплетаются между собой и раздаются эхом уральских легенд. Повествование пронизано таинственной, порой пугающей атмосферой. Судьбы героев оказываются связанными там, где совершенно того не ожидаешь. А может, именно так мы все связаны с нашим забытым прошлым?

Это не просто сборник рассказов, а настоящий этно-хоррор, погружающий в тайны уральской тайги и ее хозяев, взывающих к потомкам под покровом древних лесов.

УДК 398.4(470)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-17-183947-5

© Андрей Булатов, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

ЯНКЫЛМА

Меня зовут Виктор Чернецов. Мне тридцать лет, не женат, детей нет. Живу в Екатеринбурге, работаю программистом в одной из IT-компаний. На учете не состоял, к ответственности не привлекался, психических заболеваний не имею. Это так, на всякий случай — все эти подробности никак не относятся к моей истории. Я не любитель писать мемуары, но считаю необходимым рассказать о некоторых событиях в моей жизни, которые начались четверть века назад и обрели неожиданное продолжение в прошлом году.

Начать стоит с самого детства. Я родился в Свердловске во второй половине восьмидесятых годов, в разгар перестройки. Рос слабым и болезненным ребенком — обычная простуда могла загнать меня в постель на месяц, а то и больше. Родители намучились со мной изрядно: постоянно таскали по врачам, мама неоднократно ложилась со мной в больницу, отец где-то доставал импортные лекарства, стоившие половину его скромной зарплаты, но пользы от этого было мало. Вылечившись, через какое-то время я неизменно заболел снова. Врачи все как один говорили, что мне нужно укреплять иммунитет и больше бывать на свежем воздухе, желательно пожить какое-то время на природе, в месте с хорошей экологией, которой бывший город Свердловск, только что ставший Екатеринбургом, похвастаться никак не мог. Рекомендо-

вали отправить меня в деревню. Но увы, отправлять было некуда: дачи у нас не имелось, деревенских бабушек и дедушек — тоже, а купить или хотя бы арендовать где-то дом мои родители, классические советские инженеры, напроць лишенные предпринимательской жилки и с трудом приспособляющиеся к новым временам, позволить себе не могли. Так что вся природа, которую я видел, ограничивалась побережьем озера Шарташ на окраине города, куда мама водила меня гулять. Неизвестно, чем бы все это закончилось: возможно, в городе, отравленном заводским дымом и смогом, я вообще не дожил бы до своего восемнадцатилетия, но ситуация сложилась по-иному.

У отца внезапно обнаружилась дальняя родственница — то ли двоюродная тетка, то ли кто-то еще, живущая в глухой деревне где-то на Северном Урале. Не знаю, почему они не общались раньше и при каких обстоятельствах встретились тогда, но так или иначе она предложила мне пожить у нее. Родители, особенно мама, поначалу были категорически против — глушь, медвежий угол, врачей нет, ближайший телефон в соседнем поселке, до которого черт знает сколько километров, да и родственницу эту они толком не знают. Но она оказалась настойчивой — говорила, что на чистом лесном воздухе и натуральных продуктах я быстро пойду на поправку, что она разбирается в медицине и от легких болезней сама вылечит меня за пару дней, а в случае чего-то серьезного сосед на «уазике» мигом отвезет меня в больницу. Мой лечащий врач тоже советовал маме соглашаться, говоря, что уехать из города мне просто необходимо, и в конце концов родители уступили. Так я оказался у бабушки Клавы в деревне со странным назва-

нием Янкылма, где в дальнейшем и прошла значительная часть моего детства. Было мне тогда всего шесть лет.

Отец был занят на работе, и к бабушке Клаве со мной поехала мама. Дорога в Янкылму стала одним из тех ярких эпизодов, которые почему-то запомнились мне лучше всего. Стоял июнь. Добирались долго — на поезде с несколькими пересадками до безымянного полустанка, затерянного в североуральской тайге, где нас и встретила бабушка Клава, а также тот самый сосед с «уазиком» — дядя Коля.

Бабушка оказалась маленькой, но подвижной старушкой, похожей на Бабу-ягу, с длинным горбатым носом и бородавкой на щеке. Ее лицо при виде меня расплылось в улыбке, но все равно поначалу я ее побаивался. А вот дядя Коля, пожилой, но еще не старый мужик, заросший густой бородой, сразу расположил меня к себе. Он все время, пока вел машину по разбитой проселочной дороге, шутил и рассказывал про охоту в здешних лесах, что мне было чрезвычайно интересно — настоящий лес и диких зверей я раньше разве что на картинке видел, меня даже в зоопарк не водили. Я слушал, развесив уши, мама же хмурилась — теперь она своими глазами видела, в какую глушь отправляет меня, и это не могло ее не беспокоить. Дорога, которая поначалу была довольно широкой, хоть и неровной, привела нас к развилке, где дядя Коля свернул направо, и дальше мы уже ехали по узкой колее, так плотно зажатой между двумя стенами леса, что, если бы навстречу попалась другая машина, кому-то пришлось бы давать задний ход — разъехаться возможности не было. Но за весь путь от полустанка до деревни мы не встретили ни одной машины и ни одного человека.

Янкылма оказалась совсем маленькой деревней, домов в двадцать от силы, со всех сторон окруженной лесом. Дом бабушки Клавы стоял на самой окраине, точь-в-точь как избушка Бабы-яги — «к лесу задом, ко мне передом», только курьих ножек не хватало. В наступивших вечерних сумерках мне сразу вспомнились страшные сказки про злую старуху с костяной ногой, засовывающую детей в печь на лопате. Помню, я тогда плакал и кричал, что не хочу в этот страшный дом, а мама уговаривала и успокаивала меня, хотя ей самой явно было неспокойно. Бабушка Клава молча стояла на пороге и ждала, и хоть она и улыбалась, это пугало меня еще больше. Ситуацию спас дядя Коля, который, посмеиваясь в бороду, сказал, что я уже большой и не должен ничего бояться, а если в доме и спряталась злая ведьма или кто-то еще, то у него есть ружье, которое он немедленно и продемонстрировал, вынув из багажника. Мама при виде ружья округлила глаза, а я, напротив, как-то сразу успокоился. Подумалось, что в присутствии этого дядьки с ружьем, пусть и похожего на лешего, никакая Баба-яга действительно и носа не высунет. Мы вошли в дом. Что было дальше, я не помню — сильно устал в дороге и немедленно заснул.

Так и началась моя деревенская жизнь. Детские воспоминания всегда расплывчаты и туманны, временами похожи на сказку. Иногда сложно бывает понять, что из этого действительно было, а что вы придумали или увидели во сне. Я постараюсь вспомнить и воспроизвести все так, как было на самом деле, хотя и не могу ручаться за достоверность — все-таки два с лишним десятилетия прошло с той поры. Некоторые эпизоды действительно больше напоми-

нают сон — иногда светлый и радостный, а иногда такой, о котором хочется поскорее забыть. И таких эпизодов было немало... Но давайте обо всем по порядку.

Первое время мама провела со мной, но в конце концов ей нужно было уезжать — у нее тоже была работа, которую она не могла оставлять надолго. И опять я рыдал в три ручья и просил не оставлять меня тут с бабушкой Клавой, которую я про себя так и называл Бабой-ягой. И опять успокоился только тогда, когда пришел дядя Коля с ружьем. Он, похоже, даже в туалет с ним ходил. Как я позже узнал, не просто так — здесь мог и медведь из леса выйти, а могли встретиться и беглые заключенные из разбросанных тут и там колоний. Такие случаи бывали. С этим ружьем, убранным в багажник, дядя Коля и повез маму все на тот же полустанок, а я остался совсем один, как мне тогда казалось.

Впрочем, грустил я недолго. Бабушка Клава только с виду была похожа на лесную колдунью, а на деле оказалась добрейшей старушкой, заботившейся обо мне, словно о родном внуке. Очень скоро я к ней привык. Она, конечно, могла и отругать, и пригрозить ремнем, хоть ни разу его и не применила, если я забирался куда не следует, например, убежал к лесному озеру или залезал на крышу дома. Но при этом она разрешала мне то, что обычно запрещали родители: есть много сладкого (а готовила она отлично), поздно ложиться спать, гулять одному по деревне. В общем, мне с ней нравилось.

Дом у бабушки Клавы был большой, просторный, из толстенных бревен, с огромной русской печью. А вот окна были маленькие, плохо пропускающие свет, из-за чего

в доме всегда царил полумрак. На стенах — ковры и старые фотографии, под потолком — пучки каких-то трав, которые еще больше убеждали меня в том, что моя приемная бабушка — колдунья, только уже не злая, а добрая. Во дворе дома стояла баня и два сарая, в одном из которых хранился всякий хлам, а в другом бляели козы и хрюкал поросенок. Рядом — огород. Никакого забора вокруг дома не было, как и вокруг других деревенских домов, только небольшие ограждения вокруг грядок, чтобы скотина не испортила.

Телевизора в доме не имелось. Часто случались перебои с электричеством, иногда даже на несколько дней, и тогда бабушка Клава с наступлением сумерек зажигала свечи, от которых по углам разбегались жутковатые тени. Мне казалось, что в темноте кто-то есть, кто-то скребется, шуршит в темных закутках, и по вечерам я не отходил от бабушки ни на шаг, да и днем боялся оставаться в доме один, предпочитая проводить время на улице. Бабушка Клава то ли в шутку, то ли серьезно рассказывала мне про домового, который живет в подполье (в голбце, как здесь говорили) и которому она каждый вечер ставит туда блюдце молока. Утром блюдце действительно оказывалось пустым. Вероятно, молоко выпивал кот, огромный серый разбойник с порванным ухом, но тогда я действительно верил в домового, боялся его и одновременно хотел с ним встретиться. Несколько раз мне казалось, что я видел какую-то тень, пробирающуюся вдоль стены или выглядывающую из-за печи, но детали я не рассматривал — сразу же с криком бежал к бабушке.

В деревне я оказался единственным ребенком, да и вообще там жили одни старики — пятидесятипятилетний

дядя Коля был самым молодым. Но меня это особо не беспокоило. Со стариками мне было интересно, а им, в свою очередь, было интересно со мной — своих внуков у большинства из них не было, а если и были, то жили далеко. Я быстро со всеми перезнакомился и каждый день ходил от одного дома к другому. Меня никто не прогонял: либо, сказав пару слов, они возвращались к своим делам и не обращали внимания на мои игры, либо поили чаем и рассказывали какие-нибудь истории. Бабушка Клава не возражала — в деревне все друг друга знали, и я постоянно был под присмотром.

Самыми старыми в деревне были супруги Бобылевы, дед Матвей и бабка Глафира, родившиеся еще при царе. Лет им обоим было за девяносто, но держались они на удивление бодро — управлялись с немаленьким хозяйством, с огородом и домашней живностью, ходили в лес. Правда, спали до обеда, в отличие от своих поднимающихся с рассветом соседей, из дома выбирались ближе к вечеру и ложились поздно. Дед Матвей иногда до утра сидел на завалинке перед домом и курил трубку с самосадом, до того крепким, что я начинал кашлять, едва приблизившись к деду. Впрочем, при мне он старался не курить.

Бабка Глафира со мной особо не разговаривала, да и с другими деревенскими жителями тоже, она вообще была довольно молчаливой. А вот дед Матвей, напротив, любил пообщаться, сам звал меня в дом и всегда рассказывал что-нибудь интересное о своей бурной молодости или об окрестных лесах. В его доме, правда, я бывать не любил — там было как-то сыро, затхло, пахло плесенью

и гнилью, хотя с виду все сияло идеальной чистотой — бабка Глафира мыла пол по два раза в день. Обычно с наступлением вечерних сумерек мы с дедом устраивались снаружи, на упомянутой завалинке, и он начинал одну из своих историй.

Рассказал он мне, в частности, и о странном названии деревни. Оказалось, что раньше тут жили манси, или вогулы. На вопрос, кто это такие, дед Матвей отвечал коротко — лесные люди. Дед когда-то имел знакомых среди них, даже говорил немного по-мансийски. Жили они не в самой деревне, а просто где-то в здешних местах, деревню построили уже русские, а вот название «Янкылма» — болото, заболоченная местность — осталось. Я удивлялся — никаких болот тут не было, они где-то дальше, за рекой, как говорил дядя Коля, охотившийся там. Тем не менее, по словам деда Матвея, манси называли это место именно так, и название прижилось.

Была у Бобылевых еще одна особенность, которая тогда, впрочем, не казалась мне чем-то особо необычным или страшным — они ели сырое мясо. И пили кровь. Нет, не человеческую — на вампиров они были похожи мало, но как-то раз я своими глазами видел, как бабка Глафира, удивительно сильная и крепкая для своего возраста и комплекции старушка, держит за рога козу, а дед Матвей одним движением перерезает животному горло длинным узким ножом и тут же подставляет кружку под струю дымящейся крови, выпивает залпом, снова наполняет кружку и передает бабке, которая делает то же самое. Дед говорил, что это полезно для здоровья и что манси-оленоводы тоже пьют оленью кровь, благодаря чему никогда не болеют.

Мне было интересно попробовать, но когда я как-то раз спросил деда об этом, тот только головой покачал:

— Мал ты еще. Незачем тебе.

И то правда, необходимости лечиться кровью у меня не возникало. В деревне я быстро пошел на поправку: болел только один раз, да и то бабушка Клава быстро поставила меня на ноги своими травяными отварами. Она вообще поила меня какими-то травами каждый день, а иногда брала плоску с горячими углями, кидала на них что-то сильно пахнущее лесом, рекой и влажной землей, окуривала этим весь дом и меня заодно. Говорила, чтобы лихоманки не пристали. За те несколько лет, что я провел в Янкылме, я окреп настолько, что и в дальнейшем больше никакие болезни меня практически не беспокоили.

Вообще же деревенская жизнь была на редкость спокойной, монотонной и однообразной — каждый новый день как две капли воды походил на предыдущий, менялись только времена года. Мне, ребенку, это не казалось проблемой, я всегда находил, чем себя развлечь, а взрослые занимались своими нехитрыми деревенскими делами: летом работали в огороде, пасли коз и овец, косили сено, чинили обветшалые стены домов, зимой вообще большую часть времени спали — старики все-таки, разве что дядя Коля иногда ходил на охоту. Я же почти всегда проводил время на открытом воздухе: играл на задворках изб, на лесной опушке, ходил за грибами с бабушкой Клавой и на рыбалку с дядей Колей. Иногда убегал купаться на безымянное лесное озеро, хоть бабушка и не разрешала — заблудиться в лесу ничего не стоило. Однако я знал ближайшие леса как свои пять пальцев, а в дальние не ходил — рассказы

о волках, медведях и особенно леших (менквах, как называл их дед Матвей) прочно засели в голове.

Про озеро, правда, старик тоже рассказывал, будто там живет Вит-куль, водяной черт, и когда-то давно манси каждый год топили в озере молодого оленя ему в жертву. Несмотря на это, солнечным летним днем на озере, добраться до которого можно было за полчаса по ведущей из деревни тропинке, было совершенно не страшно, и я посещал его регулярно, когда бабушка была слишком занята, чтобы следить за мной. Искупавшись, я обычно ложился на большой плоский камень на берегу, смотрел на верхушки деревьев и проплывающие над ними облака, слушал шум леса и был совершенно счастлив, как могут быть счастливы только маленькие дети и сумасшедшие.

Однако не все мои детские воспоминания были столь безоблачными. Пару раз, например, я все-таки заблудился в лесу. Впервые — недалеко от деревни, когда еще толком не знал окрестности. Меня быстро нашли, но испугаться я успел изрядно. Соответственно бабушка Клава мне всыпала и еще долго потом не отпускала одного даже на опушку.

Второй раз был серьезнее. Мне приспичило сходить к дальней реке, куда дядя Коля водил меня ловить рыбу. Я думал, что знаю дорогу, но во время одинокой прогулки лес вдруг стал выглядеть совсем не так, как с дядей Колей. Я обнаружил, что не понимаю, куда идти. Пытался какое-то время упрямо двигаться вперед, потом повернул назад, но к знакомым местам выйти так и не смог. Между тем уже смеркалось, а в лесу под огромными разлаписты-

ми елями вскоре стало совсем темно. Вот тут я испугался по-настоящему. Сумеречный лес жил своей жизнью, и в каждом шорохе мне чудились шаги подкрадывающихся чудовищ. Старый обгорелый пень представился мне менквом — остроголовым мансийским лешим из рассказов деда Матвея. Показалось, что пень зашевелился, и я в ужасе бросился бежать. Но убежал недалеко — впереди оказался овраг, и со дна этого оврага в моем детском воображении поднималось что-то большое, темное и такое страшное, что я хотел было закричать, но не смог издать ни звука. Не в силах больше стоять на ногах, я упал на четвереньки и пополз прочь от этого ужасного места, потом все-таки поднялся и помчался сквозь заросли папоротника. Бежать, однако, было некуда — окончательно стемнело и чудовища мерещились повсюду. Я забился под корень поваленного дерева и сидел там, плача и дрожа от страха, пока не провалился в забвенье.

Нашел меня дед Матвей. Он, несмотря на возраст, прекрасно ходил по лесу даже ночью. Я смутно помню, как передо мной бесшумно возникла высокая темная фигура, протянула руку, показавшуюся пугающе холодной, и знакомым голосом произнесла:

— Пошли! Нагулялся, бродяга.

Обратная дорога выпала из моей памяти. Следующее воспоминание — я уже дома, лежу в постели в своем углу за печью, а дед Матвей и баба Клава о чем-то шепчутся на кухне. Возможно, мне это приснилось или просто показалось, но, по-моему, говорили они не по-русски, а в разговоре несколько раз прозвучали слова «менкв» и «савынкан».

Савынканом, опять же, на мансийский манер называлось деревенское кладбище. С ним у меня тоже связаны не самые приятные воспоминания — оно всегда пугало меня. Бабушка Клава ходила на кладбище регулярно и часто брала меня с собой. После каждого такого похода я несколько дней не мог нормально спать.

Про кладбище стоит рассказать особо. Оно располагалось не на краю деревни, а в стороне, довольно далеко в лесу. Идти нужно было часа три, поход туда и обратно занимал целый день, так что после этих прогулок я буквально валился с ног от усталости, несмотря на то, что привык много ходить. Узкая тропинка долго петляла через самую чащу леса, потом деревья расступались, и взору открывалась окруженная вековыми елями поляна, по которой то тут, то там были разбросаны невысокие продолговатые деревянные домики с двускатными крытыми корой крышами такого размера, чтобы внутри мог поместиться лежащий взрослый человек и еще осталось немного места. Это и был савынкан.

До этого я никогда не бывал на кладбищах и не знал, как они должны выглядеть, так что не удивлялся отсутствию крестов, памятников и оградок. Бабушка Клава рассказывала, что кладбище изначально было мансийским, а когда пришли русские, они тоже стали хоронить своих умерших по обычаю манси. Она показывала мне мансийские могилы в дальнем конце савынкана — древние, поросшие мхом, с провалившимися крышами, но еще стоящие. Много позже, уже будучи взрослым, я специально читал о погребальных традициях манси: оказалось, они кладут умерших без гробов в неглубокую яму или даже прямо на

землю, а потом строят над ними такие вот домики — со-пам. Также упоминалось, что к настоящему времени этот обычай уже почти не практикуется и большинство манси перешли на захоронение по русскому обряду. В Янкылме, выходит, все было наоборот.

Тогда, конечно, я всего этого не знал. Бабушка говорила, что в этих домиках, которые в деревне называли по-русски «домовинами», живут мертвые. Я не понимал, как так «живут», если они мертвые? Но бабушка Клава действительно обращалась с ними как с живыми. Несмотря на то, что на домовинах не было никаких надписей, она знала почти всех умерших по именам, знала, кто где лежит (живет?), даже могла вспомнить некоторых манси, хотя они, по ее словам, умерли еще до ее рождения. Приходя на кладбище, она всегда здоровалась с ними, разговаривала с каждым покойником, мимо могилы которого проходила, и иногда мне казалось, что они ей отвечают шумом ветра в кронах деревьев, карканьем ворон, а то и едва различимым шепотом на грани слышимости, который будто звучал прямо из домовин. Можно представить, какое впечатление на меня все это производило.

Бабушка Клава прибиралась на могилах, иногда поправляла какую-нибудь покосившуюся доску, а потом начиналось основное действие — кормление мертвых. В каждой домовине сбоку было небольшое окошко, закрытое какой-нибудь деревяшкой, а то и просто заткнутое старой тряпкой. Бабушка открывала эти окошки и ставила внутрь еду: хлеб, пироги, молоко в чашках. Эти чашки она предварительно оттуда и вынимала, протирала пучком травы, наполняла молоком из банки и ставила обратно. Делала